

АНДРЕ
МОРУА

✦
Открытое письмо
молодому человеку о науке жить
Искусство беседы

Андре Моруа

**Открытое письмо молодому
человеку о науке жить.
Искусство беседы**

«АСТ»

1966

УДК 821.133.1-6
ББК 84(4Фра)-4

Моруа А.

Открытое письмо молодому человеку о науке жить.
Искусство беседы / А. Моруа — «АСТ», 1966

Излюбленный Моруа эпистолярный жанр, восходящий к эпохе классицизма, в котором созданы «Открытое письмо...» и «Искусство беседы», позволяет писателю придать доверительный тон общению с читателем при обсуждении самых сложных жизненных вопросов. В то же время публицистичный характер произведений, их открытость дают автору возможность обратиться к молодому поколению с некоей трибуны с духовным завещанием и поделиться накопленными знаниями и жизненной мудростью.

УДК 821.133.1-6
ББК 84(4Фра)-4

© Моруа А., 1966
© АСТ, 1966

Содержание

Открытое письмо молодому человеку о науке жить	6
Возражения	9
Опасности, которыми чревата наша эпоха	12
Цель	15
Ваше образование	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андре Моруа

Открытое письмо молодому человеку о науке жить. Искусство беседы

André Maurois

LETTRE OUVERTE A UN JEUNE
HOMME SUR LA CONDUITE DE LA VIE

LA CONVERSATION: NOTES ET MAXIMES

Перевод с французского *О. Гринберг* и *М. Ваксмахера*

Печатается с разрешения наследников автора,
издательства Les Éditions Albin Michel
при содействии литературного агентства Анастасии Лестер.

© Éditions Albin Michel S.A., Paris, 1966

© Anne-Marie Charrier, Marseille, France, 2006

Открытое письмо молодому человеку о науке жить

Мне восемьдесят лет, вам двадцать. От всех, кто вас знает, я слышал о вас много хорошего. И вот вы спрашиваете у меня совета, как строить свою жизнь, иначе говоря, просите написать вам «воспитательное письмо», как в бальзаковской «Лилии долины» или «Вильгельме Мейстере» Гёте. Не скрою, просьба ваша доставила мне удовольствие. Я не ищу популярности, мне претит модный псевдофилософический жаргон нынешних интеллектуалов. Я опасался, что у меня нет шансов найти общий язык с молодым поколением, – ведь в юности людей ослепляет словесная мишура. Ваша просьба растрогала меня и придала мне силы. Попытаемся же вместе разобраться в том, что представляет собой окружающий нас мир.

Но прежде всего я прошу вас раз и навсегда выкинуть из головы надуманный неоромантический пессимизм, отравивший целое поколение. Вам внушили, что мир абсурден. Что это значит? Высказывание абсурдно, если оно противоречит доводам рассудка. Закон абсурден, если он оскорбляет здравый смысл. Но утверждение, что все кругом абсурдно, – абсурд. Мир таков, каков он есть. Он не подчиняется ни доводам рассудка, ни здравому смыслу. Мир – исходная точка, некая данность. А как же иначе? Трудно предположить, чтобы мир был создан единственно для удовлетворения наших потребностей. Это было бы чудом из чудес. Мир нейтрален. Он не дружелюбен и не враждебен человеку. Вам внушили, что человек рождается для того, чтобы умереть, и что вы должны всю жизнь терзаться этой мыслью. Чего ради? Смерть – не факт сознания. «Смысл раздумий о смерти в том, что они лишены смысла», – писал Монтерлан. Смерть близких людей потрясает нас. А наша собственная? Бояться ее – значит представлять себе и мир, где мы есть, и мир, где нас нет. Эти два образа несовместимы.

Вам внушили, что мы живем на краю пропасти и что сознание смертельной опасности отнимает у нас последние крохи разума. Но люди всегда жили на краю пропасти, и это не мешало им любить, трудиться, созидать. Почему бы вам не последовать их примеру? Мне возражат: «Все изменилось. Людей прошлого поддерживала вера. К тому же им в отличие от нас не грозила опасность погибнуть вместе с планетой, на которой они живут». А кто мешает верить и вам? Боги умерли? Думаю, они просто стали иными. Не забывайте, что в вас есть нечто более великое, чем вы сами; не забывайте, что это величие заложено в каждом человеке: недаром подлеца терзают угрызения совести; не забывайте, что общими усилиями можно предотвратить катастрофу и не дать земному шару погибнуть от рук его обитателей; не забывайте и о том, что даже если мы идем по краю пропасти, ничто не толкает нас вниз.

Вам внушили, что старые моральные ценности канули в прошлое. Это ложь. Если вы присмотритесь к современному человеку, то под словесной шелухой обнаружите человека, каким он был во все времена. Писатели трубят о конце классической культуры. «Факты неумолимы, – говорят они. – Не подлежит сомнению, что XX век завершает пятитысячелетний период развития человечества – эру великих классических культур – и мы стоим на пороге новой эры... Она не будет иметь ни малейшего сходства с прошлой; прежде обновленная душа вселялась в исторически обусловленную оболочку; теперь новая душа оживит новое тело». Новая душа в новом теле? Ничего подобного. Я не верю ни в какое новое тело. Разве у нас не такие же сердце, печень, артерии, нервы, как у кроманьонцев? А что касается души, то моральные ценности – не бессмысленное изобретение дряхлых моралистов. Они потому и называются ценностями, что без них невозможны ни дальнейшее развитие общества, ни счастливая жизнь. Я напому вам для начала несколько древних как мир истин, отменить которые не может ни технический прогресс, ни нигилистическая философия.

Во-первых, *нельзя жить для себя*. Думая только о себе, человек всегда найдет тысячу причин чувствовать себя несчастным. Никогда он не делал всего того, что хотел и должен был делать, никогда не получал всего того, чего, по его мнению, заслуживал, редко был любим так, как мечтал быть любимым. Без конца пережевывая свое прошлое, он будет испытывать одни сожаления да угрызения совести, меж тем и то и другое бессмысленно. «Наши ошибки обречены на забвение, ничего иного они не заслуживают». Зачеркнуть прошлое все равно невозможно, попытайтесь лучше создать настоящее, которым вы впоследствии сможете гордиться. Разлад с самим собой – худшее из зол. Всякий, кто живет ради других – ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых, – словно по волшебству забывает свою тоску и мелкие житейские неурядицы. «Подлинный внешний мир – это подлинный внутренний мир».

Второе правило – *надо действовать*. Вместо того чтобы жаловаться на абсурдность мира, постараемся преобразить тот уголок, куда забросила нас судьба. Мы не в силах изменить вселенную, да и не стремимся к этому. Наши цели ближе и проще: заниматься своим делом – правильно выбрать его, глубоко изучить и достичь в нем мастерства. У каждого свое поле деятельности: я пишу книги, столяр сколачивает мне книжный шкаф, постовой регулирует уличное движение, инженер делает расчеты, мэр управляет коммуной. Если человек в совершенстве овладел каким-нибудь ремеслом, работа приносит ему счастье. Даже в свободное время люди не сидят сложа руки – они занимаются такой, казалось бы, бесполезной деятельностью, как игры и спорт. Регбист счастлив, даже когда противник валит его в грязь. Что же касается полезных дел, то мы радуемся их результатам: деятельный мэр следит за порядком в городе, деятельный священник пестует прихожан – и оба получают удовольствие от плодов своего труда.

Третье правило – *надо верить в силу воли*. Неверно, что будущее целиком и полностью предопределено. Великий человек может изменить ход истории. Тот, у кого достанет смелости захотеть, может изменить свое будущее. Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая свобода имеет свои пределы. Она живет на границе возможностей и желания. Не в моей власти помешать войне, но мои устные и письменные призывы, помноженные на призывы миллионов других людей, ослабят угрозу войны. В моей власти не повторять моим соотечественникам по всякому поводу и без повода, что им было нанесено оскорбление и честь повелевает отомстить ценой собственной жизни и жизни своей страны. Я не в силах выиграть битву, но я в силах быть храбрым солдатом и исполнить свой долг. И поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме. Давая себе поблажки, человек ленится и трусит; усилием воли он заставляет себя трудиться на совесть и совершать героические поступки. Быть может, воля и есть царица добродетелей.

Не менее важно и четвертое правило – *надо хранить верность*. Верность слову, обязательствам, другим, себе самому. *Надо быть из тех людей, которые никогда не подводят*. Верность – добродетель не из легких. Человека ждет тысяча искушений. Вы скажете: «Как? Если я женился на кокетливой, лживой и глупой женщине, я не могу ее оставить? Если я избрал профессию, а потом разочаровался в ней, я не могу ее сменить? Если я вступил в организацию и вижу, что она состоит сплошь из ничтожеств и алчных проходимцев, я не могу перейти в другую, удостоверившись, что она состоит из более достойных людей?» Нет. Верность не должна быть слепой. Однако не забывайте, что часто в основе неверности лежит не столько неудачный выбор, сколько обыкновенная привередливость. Ален пишет: «Всякий выбор плох, если человек сидит сложа руки, но всякий выбор может стать удачным, стоит только захотеть. Профессию всегда выбирают вслепую – ведь изучить ее можно лишь после того, как выбор сделан. То же и в любви». Тем не менее всегда (или почти всегда) можно

перевоспитать женщину, плодотворно работать в избранной области и изменить дух организации. Верность сама создает для себя почву.

Наверно, эти жизненные правила покажутся вам и слишком строгими, и слишком общими. Я прекрасно это понимаю, но других предложить не могу. Я не требую от вас, чтобы вы прожили жизнь суровым стоиком. Развивайте в себе чувство юмора. Будьте способны улыбнуться своим – и моим – словам и поступкам. Если вы не можете побороть свои слабости, смиритесь с ними, но не забывайте, в чем ваша сила. Всякое общество, где граждане думают только о почестях и удовольствиях, всякое общество, которое допускает насилие и несправедливость, всякое общество, где люди не испытывают ни малейшего доверия друг к другу, всякое общество, члены которого ни к чему не стремятся, – обречено. Пока Рим был Римом героев, он процветал; стоило ему перестать чтить ценности, которые его породили, и он погиб. Технический прогресс изменяет виды деятельности, но значимость деяния и потребность в нем остаются неизменными. Так было прежде и так будет всегда.

Возражения

Начав читать мое письмо, вы убедились, что я не обманул вас, и меня действительно мало волнуют модные течения современной мысли. Найдутся люди, которые предложат вам совсем иные правила. Они скажут: «Выкинь из головы традиционные ценности; они отжили свой век. Оглянись вокруг. Что ты видишь? Общество хапуг и мошенников. Тебе советуют хранить верность? Да кто соблюдает эту заповедь? Люди делают карьеру на беспринципности. Самые преуспевающие писатели, самые кассовые фильмы пропитаны цинизмом и проповедуют его. Злоба окупается – она питает газетную хронику. Садизм окупается – в нем черпают вдохновение авторы самых нашумевших романов. Эротика окупается – она привлекает толпы зрителей в темные кинозалы. Педантизм, невежество, жаргон окупаются – они сливаются признаками глубины мысли. Ты любишь Бальзака? Послушай, что говорится в его книге: «Есть две истории: одна – официальная, лживая с начала до конца, где все поступки совершаются из благородных побуждений; и другая – тайная, единственно подлинная, где цель оправдывает средства. Люди в большинстве своем фаталисты; они обожают сенсации; они становятся на сторону победителя. Итак, добейтесь успеха – и вы будете оправданы. Ваши поступки сами по себе ничто; важно лишь мнение окружающих. Имейте привлекательную наружность, скрывайте изнанку вашей жизни и показывайте товар лицом. Главное – форма». Так говорит Вотрен.

Да, Бальзак вкладывает эти слова в уста Вотрена, и в самом Бальзаке, как во всяком тщеславном человеке, было что-то от Вотрена. Но Вотрен бандит. Он говорит эти слова Люсьену де Рюампре. И чем же кончил Рюампре, послушавшийся этих советов? Самоубийством в тюремной камере. Учения такого рода не выдерживают проверки жизнью. Гитлер, этот Вотрен в масштабе целой нации, дорвавшийся до власти бандит, проповедовал беспощадную жестокость, попрание всех моральных устоев, коварство и насилие. Для Гитлера поступать «как истинный национал-социалист» значило убивать детей, сжигать женщин в печах крематориев, нарушать самые священные обязательства, окружать себя палачами. И чем же кончил Гитлер? Самоубийством в рейхсканцелярии. Конечно, и праведникам случалось потерпеть поражение; некоторые из них вынуждены были даже покончить с собой, лишь бы не выдать тайну. Уважение к истинным ценностям далеко не всегда залог спокойной жизни, но оно по крайней мере залог душевного покоя.

Я не требую, чтобы все люди были добрыми. Только безумец может надеяться на это. Вчера я видел по телевизору, как коршун подстерегает заблудившегося крольчонка. Хищник не спускал своих страшных глаз с добычи, буквально пожирая ее взглядом. Внезапно он камнем упал на зверька. Страшное зрелище – клочья шерсти, брызги крови – мелькнуло перед моими глазами. Во всех областях человеческих джунглей есть свои коршуны. Авантюристы отправляются в погоню за золотом. Так называемые доверенные лица обкрадывают своих патронов. Торговцы человеческим телом охотятся за девушками. Садисты высматривают себе жертвы. Каждую секунду в десятке мест на земле солдаты с автоматами бродят по лесам и болотам и убивают, как кроликов, других солдат. Таково человечество, и именно из этого мы должны исходить, создавая новое общество. «Ведь человек считается украшением мира; а если это не так, остается пойти и утопиться» (Ален).

Но человек – *в самом деле* украшение мира. Несмотря на свою животную грубость, он уже несколько тысячелетий борется за то, чтобы построить общество лучшее, чем то, где коршун пожирает крольчонка, и осуждает тех, кому на все наплевать. В человеческом лесу есть и здоровые деревья. Вы в этом убедитесь. Конечно, вам придется сталкиваться с подлецами; вас будут предавать лучшие друзья; вас будут мучить никчемные кокетки, не стоящие ни единого вдоха; вы станете жертвой такой глупой клеветы, что у вас перехватит

дыхание и вы не будете знать, что ответить. «Mit der Dummheit Kampfen die Gütter selbst vergebens» (Шиллер). Против глупости бессильны даже боги.

«Надо каждое утро говорить себе: сегодня меня ждет встреча с глупцом, наглецом, грубияном, мошенником» (Марк Аврелий). И это чистая правда. Все эти пороки не что иное, как плоды невежества; зато, попав в беду, вы совершенно неожиданно встретите в людях, которых вы считали равнодушными или легкомысленными, и беззаветную преданность, и нежную любовь, и постоянство. Благородства вы встретите не меньше, чем низости. Вы убедитесь, что даже злые люди способны на милосердие, ростовщики – на щедрость, а кокетки – на ласку.

Если Фортуна добра и тебе улыбается ясно,
Все устремляются с ней за колесницей твоей,
Но разразится гроза – и бегут, узнавать
не желая,
Прочь от того, вслед за кем сонмом
теснились вчера¹.

Так сказал Овидий; но он не прав: именно в горе вы обретете настоящих друзей.

Если вам постоянно будет сопутствовать удача, то, сколь бы заслуженной она ни была, у вас появятся враги. Это закон природы. Почему? Потому что найдутся люди, которых вы будете раздражать самым фактом своего существования. Невозможно нравиться всем. Успех восстановит против вас людей, которые мечтали о той же должности, добивались аплодисментов той же публики. Кроме того, успех развяжет вам язык, и вы неизбежно наговорите много лишнего; вы будете искренне высказывать свое мнение о людях, которые терпеть не могут искренности; ваши суждения будут переходить из уст в уста. Одно ироническое или суровое слово – и вы приобретете себе врага на всю жизнь. Люди очень чувствительны к тому, как к ним относятся; малейшая критика ранит их, особенно если попадает по больному месту. Они недоверчивы, как норовистые лошади, к которым надо приближаться с осторожностью, поглаживая их по боку. Многие походят на больного, чья рана зарубцевалась, но при малейшем прикосновении причиняет боль. Из пустяковой сплетни может родиться смертельная ненависть. Множество людей получают величайшее наслаждение, принося другим огорчения и ссоря их. Если вы сами еще не нажили себе врагов, эти люди вам помогут. Найдутся и такие, которые будут испытывать к вам инстинктивную неприязнь.

«Неприязнь, – писал Спиноза, – это бунт души против какого-либо предмета, который, как мы знаем или предполагаем, вреден или враждебен нам *по своей природе*». Неприязнь – не ненависть. У нее нет определенной причины. Я могу не испытывать ни малейшей неприязни к человеку, чьи убеждения противоположны моим. Мы сознаем, что придерживаемся различных взглядов, и уважаем мнение друг друга. Напротив, я знал людей, с которыми все, казалось бы, должно было меня роднить, но к которым я тем не менее испытывал неприязнь, и они платили мне взаимностью. Бывает, не идеи, а темпераменты и натуры сталкиваются между собой. Человек агрессивный, вспыльчивый, сварливый, несговорчивый шокирует человека спокойного, беспристрастного, доброжелательного и мирного. Тот, кто презирает всех людей, больше всего презирает того, кто старается их любить. Человек умеренный приводит в бешенство фанатика. Вы всю жизнь будете встречать людей, о которых с удивлением скажете: «За что он меня невзлюбил? Я же ему ничего не сделал». Ошибаетесь! Вы нанесли ему самое тяжкое оскорбление: вы – живое отрицание его натуры.

---

¹ Овидий. «Скорбные элегии» (кн. I, стих 9).

Как вести себя с недругами? *Не отвечайте ненавистью на ненависть.* Ненависть – тягостное чувство, нагоняющее тоску, а подчас приводящее в ярость. Если человек сгоряча поверил гадостям, которые ему о вас наговорили, и позволил себе судить о вас по слухам, следует ли вам быть таким же легковерным и поспешным в выводах? Если вы решите отомстить, это вызовет ярость вашего врага, и так без конца; вражда отравит вам жизнь. Перед вами два пути. Если вас оболгали, сделайте хоть одну попытку рассеять недоразумение. Пусть на помощь придут общие друзья. Не будьте злопамятны: кто прошлое помнит... В этом случае не стоит прибегать к прямому объяснению, чтобы не поссориться снова. Пожмите друг другу руки (рукопожатие – древний символ мира) и забудьте о том, что было. Я знаю прочные дружбы, построенные на обломках былых обид. *Прощать надо молча – иначе какое же это прощение.*

Если же, наоборот, жизнь столкнет вас с человеком по-настоящему злым, то есть с беднягой, не способным посмотреть правде в лицо, ожесточенным, черствым, – порвите с ним. Из вашего общения не выйдет ничего путного. Пусть даже ваш противник не лишен достоинств и пользуется уважением окружающих – раз вы оба так устроены, что не переносите друг друга, забудьте о мире. Лучше прямой разрыв, чем кисло-сладкий компромисс. Пусть вами движет не злопамятность, а желание соблюсти моральную гигиену. Скажите себе: «Я предпочитаю с ним не видеться, чтобы не выходить из себя». *Будем общаться с теми, кто нас любит.* Те, кто ненавидят нас, подавляют и унижают нашу душу. Да и о чем говорить с врагами: «В споре рождается истина, лишь если спорят друзья. Да и то не всегда...» Я имею в виду: лишь если спорящие стоят на одних и тех же позициях в принципиально важных вопросах и относятся друг к другу с уважением и даже с восхищением. «Избавиться от приступа тщеславия – все равно что выйти из темной комнаты на свет, к солнцу».

Что же касается чудовищ, прилагающих все силы, чтобы навредить (есть и такие), обращайтесь с ними как с дикими зверями. Повторяю еще раз: ни грана ненависти – она только унижит вас, а их все равно не изменит. Лев не вызывает ненависти; если он бросается на человека, его убивают. Сумасшедший не вызывает ненависти; на него надевают смирительную рубашку и лечат. Не ненависть к Гитлеру уничтожила Гитлера, а самолеты и танки. С их помощью люди окружили логово и прикончили зверя. Пожив с мое, вы поймете, что на жестокость нужно отвечать жестокостью. В непротивлении злу насилием есть своя прелесть, но оно на руку подлецам. Важнее всего – *предотвращать жестокость*, всеми силами борясь с ее проповедниками...

Впрочем, вернемся к вам; я хотел бы видеть вас великодушным и отважным, готовым одобрить всякую разумную реформу, даже если вам лично она невыгодна. Всегда боритесь с теми, кто разжигает войну, против кого бы она ни была направлена. Однако, если война все же начнется, смело идите в бой, будьте хорошим солдатом, сражайтесь без страха и ненависти. «Порок развязывает войну; добродетель воюет за правое дело».

Опасности, которыми чревата наша эпоха

Люди моего возраста любят хвалить времена своей юности и бранить нынешнее время. «Вы только представьте себе, – говорят они, – какой безоблачной была жизнь французов до Первой мировой войны. Последняя война, в которой Франция принимала участие – франко-прусская война 1870 года, – не нанесла нации непоправимого ущерба и в сравнении с боями XX века выглядит детской забавой. В начале XX века ходили слухи о возможности войны, но никто им не верил. Оружие в те времена было опасно только для тех, кто находился на поле боя; в тылу люди чувствовали себя почти в полной безопасности. Валютный курс был твердым; доллар стоил пять франков, фунт стерлингов – двадцать пять франков. Кажется, что такова воля провидения. Наши отцы продумывали будущее своих семей вплоть до мелочей. Налоги, плата за жилье не выходили за пределы разумного. Не было никаких атомных реакций; твердые тела оставались твердыми. Девушки, как правило, вступали в брак девами. В сельском хозяйстве, промышленности, торговле сыновья приходили на смену отцам. Традиции соблюдались и в семейной жизни. А сегодня...»

Конечно, мне тоже нравилась жизнь начала века; в ту пору я был юн и доверчив. Но я прекрасно вижу, что эта идиллическая картина неверна. Мало кто мог без страха думать о будущем, массы были беззащитны перед лицом болезней или подступающей старости. Большая часть французов жила в нужде, без удобств, не имела досуга; работа пожирала все время; оплачиваемого отпуска не существовало. Война, как показали события, была не за горами. Прямые налоги в самом деле были невелики, но государство не брало на себя забот, которые должно было бы брать; нищим, больным, престарелым приходилось тяжелее, чем сегодня. Нет, нашему прошлому было далеко до золотого века. По правде говоря, я вообще не верю в золотой век; человек всегда остается человеком, то есть героем и зверем в одном лице.

Законы природы ничуть не изменились. «Прошлогодний снег был таким же белым, как сегодняшней. Его хлопья кружились так же легко и падали так же неслышно». Старей, народы идеализируют свое прошлое. «В доброе старое время, – говорят они. – В доброе старое время умели любить; в доброе старое время подростки уважали старших и не носили ни черных², ни золоченых курток». Это неправда. Не то чтобы сегодня все шло хорошо. Но все всегда было плохо. Женщины были добродетельнее? Девушки скромнее? Ничуть. Никогда распушенность не была большей, чем во времена Людовика XV. Мир в те времена не знал тревог? Наоборот. Религиозные войны XVI века были не менее жестоки, чем идеологические войны века XX. «Следует смириться с тем, что есть, и принять то, что приходит ему на смену... Я живу в эпоху самолетов и не тоскую по дилижансу... Прошлогоднему снега не бывает. Есть снег и его белизна» (Габриель Делоне).

В конечном счете я счастлив, что живу в нашу удивительную эпоху. За эти полвека человек постиг больше секретов природы, чем наши предки за двадцать тысяч лет; он открыл такие богатые источники энергии и стал таким могущественным, что собственная сила может его погубить; он исследует космос и плавает в межпланетном пространстве; он летает над землей из города в город со скоростью в три раза большей, чем скорость звука, он строит машины, которые считают и планируют лучше, чем человеческий мозг, – все это прекрасно и очень увлекательно. Ваше поколение будет еще быстрее идти путем открытий. Вам многое предстоит: добиться в биологии таких же успехов, как в физике, разрушить механизмы наследственности, превратить в точную науку политэкономия. Работы хватит.

---

² Черные куртки – хулиганствующая молодежь. – *Примеч. пер.*

Работы хватит надолго, навсегда. И чем дальше, тем яснее мы будем осознавать, как мало мы знаем.

Тем более что недостаточно что-нибудь открыть. Надо еще, как говорил Валери, освоить собственные открытия. Мы не освоили как следует наши недавние изобретения. Знаете остроумное высказывание Жана Ростана: «Человеку надо научиться быть могущественным»? Могущественным, но не всемогущим. Не будем преувеличивать. Полет с Земли на Луну или даже на Марс и Венеру, на кометы и в другие галактики свидетельствует о незаурядной изобретательности и храбрости человека; но в масштабе вселенной это пустяк. Если бы какой-нибудь обитатель электрона открыл способ перелететь со своего электрона на соседний, все «электронцы» затрубили бы о чуде. Ну и что с того? Событие, потрясшее эти крошечные существа, не имело бы глобального значения. Мы сделали четыре шага в пустоту? Что такое четыре шага в сравнении с бесконечностью? Мы считаем, что изучили цепи молекул, передающих наследственные признаки, но ведь каждая из этих молекул заключает в себе целый мир, и мир этот для нас тайна за семью печатями. Обе бесконечности Паскаля недоступны нам и останутся такими навечно. Мы не боги. Просто в нашем масштабе, на нашем комочке грязи мы обрели дьявольскую силу. Нам остается стать достойными этой силы.

У нас есть физические средства уничтожить цивилизацию и род человеческий; у нас нет моральных средств предотвратить это уничтожение. Народы с грозным видом потрясают межконтинентальными ракетами, и где гарантия, что они в конце концов не предпочтут уничтожить всё и вся, лишь бы не потерять свой престиж. Одна из задач вашего поколения (если вы на это способны) – положить конец этим глупым ребяческим выходкам. Герои Гомера могли вволю браниться друг с другом – Бог с ними, они решали вопросы чести в поединке, рискуя только собственной жизнью. Государи XVIII столетия силой отбирали друг у друга земли – это еще куда ни шло (хотя поведение их не назовешь благородным); в их времена сражались лишь военные. Но нельзя допустить, чтобы те, кто стоят у кормила власти в наши дни, развязали ядерную войну. Никакая распря, в особенности словесная, не стоит сотен миллионов жизней... Уже сейчас некоторые дальновидные и трезвые руководители государств поняли это. Они удерживаются от потоков брани. Но в мире еще остается много бесноватых, и миссия ваша не из легких. От вашей победы над словопрениями зависит судьба рода человеческого.

В совсем иной, не такой опасной сфере, сфере искусств, вас тоже ждет борьба со словами. Во всякую эпоху в литературе существовали непримиримые течения: древние и новые, классики и романтики. Однако по своего рода всеобщему молчаливому уговору никто никогда не оспаривал у великих авторов всех времен их законное место. Гюго почитал Гомера, Рабле, Монтеня, Корнеля. Сегодня вам твердят, что старые формы обветшали, что новая живопись возвещает конец всякой живописи, что традиционным архитектурным формам нет места в современных городах, что новый роман провозглашает гибель романа, что писать рассказ с сюжетом – преступление, что благодаря эротизму отпала нужда в описании чувств... Слова, слова.

Опасность нашего времени не в том, что на земле живет кучка безнравственных людей, авантюристов, бандитов и разбойников. Эти отбросы общества существовали всегда; случалось даже, что из низов выходили великие люди. Особая опасность нашего времени в том, что ныне писатели искренне уверены, что, оправдывая аморализм, мягкотелость, закон джунглей и безобразное искусство, поступают мужественно. Меж тем ничего героического тут нет; это самый пошлый конформизм. Опасность, по словам одного из ваших ровесников, состоит в том, что «вместо философского учения нам предлагают заклинания, вместо литературной школы – правила пунктуации, вместо религиозного возрождения – аббатов-психоаналитиков, вместо мистики – абсурд, вместо счастья – комфорт». Другая опасность – в

том, что публика утратила способность воспринимать произведения искусства. В XVII веке любители искусства и литературы имели вкус, и он редко изменял им. Они восхищались Версалем, хотя, возможно, и не были способны оценить красоту готического собора или античной статуэтки. Из произведений Мольера мы знаем, что среди них встречались Вадисусы и Триссотены, которые, совсем как их потомки, расхваливали глупость. Но все-таки людей XVII века было трудно и даже невозможно заставить восхищаться нагромождением случайных и бессмысленных слов или потеками краски, в горячечном бреду выплеснутой художником на полотно.

В мире творятся немыслимые безумства. В английских газетах сообщалось о концерте тишины, который дал однажды некий безвестный пианист. Шумная реклама сделала свое дело – в день концерта зал был полон. Virtuоз тишины садится за рояль и играет, но поскольку все струны сняты, не раздается ни единого звука. Люди в зале косятся друг на друга. Каждый ждет, что сделает сосед, и в результате вся аудитория сидит затаив дыхание. После двух часов гробовой тишины концерт оканчивается. Пианист встает и кланяется. Его провожают бурными аплодисментами. На следующий день виртуоз тишины рассказывает эту историю по телевизору и в заключение признается: «Я хотел посмотреть, как далеко простирается человеческая глупость; она безгранична».

Я бы сказал, не столько глупость, сколько слабость. Слушатели *понимали*, что ничего не слышат, но боялись показаться старомодными. «Публике так часто давали пощечины, – говорит Жан Кокто, – что теперь, аплодируя, она сама бьет себя по щекам». Я называю снобами людей, которые притворно восхищаются тем, чего в действительности не любят и не понимают. Снобизм – это порок. Вам предстоит пусть не изжить его окончательно (это невозможно), но хотя бы по мере сил бороться с ним и его пагубными последствиями.

Поймите меня правильно. *Я вовсе не противник новых форм в искусстве*. Всякое потрясение полезно, оно пробуждает от спячки. Потрясение – неотъемлемая часть произведения искусства. То, что одна эпоха считает непонятным, для следующей эпохи становится общим местом. Импрессионистов осмеивали, хулили, они долгое время прозябали в нищете; сегодня их полотна – гордость музеев. Жюль Леметр насмеялся над Верленом и Малларме; Сент-Бёв видел в Бодлере хорошо воспитанного и со вкусом одетого молодого человека, которому не стоит писать стихи. Вчерашние отверженные порой становятся мэтрами. Экстравагантному сюрреализму мы обязаны чудесным Арагоном. Мишель Бютор, Натали Саррот, Роб-Грийе, Клод Симон, Клод Мориак, каковы бы ни были их теории, весьма талантливы. Я прошу вас только о двух вещах: не презирайте мастеров прошлого; если слава их дошла до нашего времени, значит, они это заслужили. Отстаивайте новые формы только в том случае, если они вам *действительно* нравятся. Не стоит ориентироваться на общественное мнение. Это не маяк, а блуждающие огни. Слушайте *своего* вкуса, уважая в первую очередь тех авторов, которыми до вас восхищались бесчисленные поколения людей.

Цель

Люди живут, едят, любят, рожают детей, трудятся. Зачем? Гёте отвечал: «Чтобы пирамида моей жизни, основание которой было заложено еще до меня, поднялась как можно выше». Попытаться сделать из своей жизни шедевр – занятие достойное. Фундамент и вправду всегда бывает заложен еще до нас. Возьмем, например, меня: я родился в провинции в семье промышленника и должен был пойти по стопам отца, а моя мать, женщина очень образованная, привила мне вкус к изящной словесности. Вот исходная точка. На этом фундаменте я как умел возводил свою пирамиду. В вашем возрасте я и не подозревал, какой она будет. Я никогда не строил далеко идущих жизненных планов. Я ставил перед собой ближайшие цели: написать такую-то книгу, прочесть курс лекций в таком-то университете, убедить людей в истинности такого-то положения. Случай то изменял и расстраивал мои планы, то способствовал их выполнению. Непредвиденные события подсказывали мне сюжеты. Произведение получалось совсем не таким, каким я его себе представлял. Я леденел от ненависти; меня согревала дружба. Пирамида поднималась в небо, несовершенная, неровная, с кривыми ступенями. Сейчас она почти закончена. Когда архитектор с грехом пополам положит в свою постройку последний камень, ему останется только исчезнуть.

Вы молоды и только начинаете строить свою пирамиду на том фундаменте, что достался вам в наследство. Я хотел бы уберечь вас от повторения моих ошибок. Моя пирамида не стала всем, чем могла стать. Почему? Отчасти потому, что я потерял слишком много драгоценного времени. Вы перебьете меня: «Разве вы теряли время зря? Да кто лучше вас умел с пользой потратить каждую секунду?» Это не так. Я действительно много работал, но часто впустую. Сколько лекций, сколько путешествий отняли уйму времени, но не добавили в пирамиду ни камешка! Меня не упрекнешь ни в тщеславии, ни в корыстолюбии; всему виной моя чрезмерная любезность. Я не умел отказывать наотрез, а это единственный способ отказать. Я боялся огорчить, обидеть. Если вы хотите создать нечто великое в литературе, науке, политике или промышленности, отдайтесь созиданию целиком и полностью. «Жизнь коротка; искусство вечно». Написал ли бы Пруст «В поисках утраченного времени», если бы отвлекался по пустякам? Создал ли бы Бальзак свой вымышленный мир, если бы отдался целиком миру реальному? Открыли ли бы Пастер, Флеминг, Эйнштейн новые законы природы, если бы не сконцентрировали свою мысль, острую, как луч лазера, на одном предмете? Выберите со всей ответственностью точку приложения своих усилий, и, сделав выбор, будьте тверды, зорки, упорны.

Ваш выбор может пасть на предметы, которые другие сочли бы недостойными. Достаточно, если они удовлетворяют *вас*. Друзьям Фабра и Флеминга, вероятно, казалось странным, что можно посвятить жизнь насекомым или бактериям; друзья Валери не понимали, зачем этот молодой человек годами отшлифовывает никому не понятные стихи. Стихи и открытия обретают бессмертие, а с ними и их творцы. Впрочем, великие люди – мой конек, и я, пожалуй, слишком увлекся, говоря о них. Быть может, вам не суждено войти в славную когорту гениев. Не важно. Что бы вы ни избрали, правила остаются прежними. *Нужно «уметь быть великим и в малом»*. Можно быть великим торговцем или промышленником, здесь тоже необходимы сосредоточенность, четкость, обдуманное сочетание осторожности и смелости. Вчера я видел, как работает один молодой книготорговец, больной полиомиелитом. Величие этого человека проявлялось во всем: в выборе книг, в советах клиентам, в предпочтении одних авторов другим, в отношении к читателям. Его пирамида, пусть невысокая, была прекрасна в своем порыве к небу Хорошо сделанных вещей.

Понимаете? Главное не «преуспеть» в смысле «блистать». Это приложится – или не приложится – в зависимости от обстоятельств. Главное – отдать все силы избранному делу.

В деревне, где я живу, есть фруктовый сад. Главный садовник не ищет славы и думает лишь о том, как вырастить яблоки, много вкусных яблок. Ему помогают обширные познания и большой опыт. Целыми днями он трудится, по вечерам читает специальные журналы, чтобы быть в курсе деятельности своих коллег, поддерживает с подчиненными дружеские отношения, не переставая энергично руководить их работой. Он старается овладеть смежными науками. Например, он знает все об опылении цветов пчелами, о роли насекомых, умеет предсказывать погоду. Лучшего садовода нельзя себе и представить. Невозможно требовать от человека большего. Делайте маленькое дело, но овладейте им в совершенстве и относитесь к нему как к делу великому. В своей области вы станете великим человеком.

И о вас пойдет молва. Ибо совершенство – редкость. Я знал ремесленников, которые трудились в полной безвестности, не помышляя о славе, и, пройдя через множество испытаний, получили в конце концов признание. Вспомним трех девушек из Турени, которые на своей ферме, не имея ни поддержки, ни денег, красили овечью шерсть и ткали из нее ковры с архаическим и символическим орнаментом. Им пришлось нелегко, но они остались верны своему призванию. И в один прекрасный день фонд, который так и называется «фонд Призвания», узнал о них, обратил на них внимание общественности, создал им имя. Они добились своего.

Я не хочу сказать, что счастливая развязка – правило. Бернар Палисси тоже нашел новую форму красоты. Он выстрадал это открытие и думал, что все трудности позади. Однако Палисси был протестантом и под конец жизни попал за свои религиозные убеждения в тюрьму, где и умер, сломленный горем. Казалось бы, можно назвать его неудачником. Но в царстве духа победа осталась за ним. Я не могу поручиться за успех ваших начинаний. Случай играет здесь не меньшую роль, чем труд и талант. Но если вам удастся в любых обстоятельствах сохранить корректность, достоинство, мужество, если вы не уступите в главном, вы станете непобедимым. Повторяю вам: цель не в том, чтобы «преуспеть», добиться «бренных вещей» (Плутарх), но в том, чтобы иметь право, заглянув в свою душу при свете совести, убедиться, что сделанным можно гордиться или по крайней мере не краснеть за него. Приятно на старости лет жить в почете; старики немощны и нуждаются в моральной поддержке. Однако если жизнь ваша сложится иначе – не отчаивайтесь; важно, чтобы вы могли сказать себе: «Я всегда поступал так, как подсказывали мне разум и совесть». Цель жизни не в том, чтобы стяжать себе бессмертную славу. «Бессмертье жалкое, увенчанное лавром». Она в том, чтобы превращать каждый день в маленькую вечность.

Цель также и в том, чтобы быть счастливым. Монтерлан сказал: «Всю жизнь я руководствовался двумя правилами: всегда делать то, что хочется, в тот момент, когда этого хочется, всегда откладывать на завтра то, чего делать не хочется». Так он и жил, и прожил славную жизнь. Дело, однако, в том, что Монтерлану хотелось создавать прекрасные произведения, и, делая то, что хочется, он создавал их. Художник имеет право отложить на завтра то, чего ему не хочется делать. Гёте тоже всегда начинал с того, что казалось ему самым легким. В политике, экономике, на войне все обстоит иначе, поскольку «время торопит и жизнь не ждет».

Ваше образование

Я не знаю, какое поприще вы выберете. Судя по всему, у вас есть способности и к словесности, и к точным наукам, и к праву, и к политике. Вы можете поступить на государственную службу, посвятить себя научным изысканиям или практической деятельности. Чем бы вы ни решили заняться, необходима культурная база. Это одна из первых ступеней пирамиды. Пожалуй, пора поговорить о ней. Я слышал, вы блестяще учились; поэтому вы, я полагаю, знаете из истории и литературы все, что положено знать хорошему ученику, то есть самую малость. Поэзию вы учили по антологиям, историю – по учебникам. Быть культурным не значит знать обо всем понемногу, не значит это и знать все о чем-нибудь одном; быть культурным – значит изучить как следует произведения великих писателей, проникнуться духом их творчества, сродниться с ними.

Я хотел бы назвать тех немногих авторов, которые станут вам верными спутниками на всю жизнь. Я хотел бы, чтобы вы неустанно читали и перечитывали их. Хорошо было бы, чтобы их мысли стали вашими мыслями, их произведения – вашими воспоминаниями.

Например, когда речь заходит о первой встрече Растиньяка с Вотреном, подлинный ценитель Бальзака должен уметь сразу открыть нужный том на нужной странице. Для этого надо знать и любить Бальзака, как знают и любят близкого друга, однако изучить так же глубоко всю мировую литературу невозможно. Приходится выбирать. Постепенно вы научитесь это делать – случай и вкус вам помогут. Я же лишь укажу вам пищу, которую считаю здоровой. Что-то из нее подойдет вам, что-то нет. Решайте сами. Начнем с греков. Я полагаю, вы любите Гомера, Эсхила, Софокла, Аристофана. «Есть ли что-нибудь скучнее “Илиады”»? – спрашивал Андре Жид. Но «Илиада» вовсе не скучна, а «Одиссея» и подавно. Плутарх был кладезем мудрости для людей всех эпох. В нашей небольшой, но тщательно подобранной библиотеке мы отведем ему место рядом с Гомером. Где-нибудь около Платона. И конечно, независимо от того, верующий вы или неверующий, Ветхий и Новый заветы, оба одинаково величественные. Затем Эпиктет, Марк Аврелий, Сенека – проповедники стоической морали. Если вы сильны в латыни, читайте в подлиннике произведения Вергилия, Горация, Лукреция, Ювенала, элегических поэтов. В переводе их чары рассеиваются. Гомера в отличие от них можно читать по-французски; в хорошем переводе сохраняет свою царственную краткость и Тацит.

Теперь пропустим несколько веков. Рабле расшевелит ваш ум, но еще лучше это делает Монтень. Если бы нужно было выбрать из всей литературы до XVI века только трех авторов, я оставил бы Гомера, Плутарха и Монтеня. Ален поставил себе за правило каждый год перечитывать одного великого поэта; я стараюсь поступать так же. Отведем один год Вийону, один – Ронсару и один – Дю Белле. С XVI веком покончено. Перейдем к XVII. Здесь выбирать нетрудно: все авторы прекрасны. Но раз речь идет о книгах-спутниках, я рекомендую вам мемуары кардинала де Реца и Сен-Симона – образцы стиля; пьесы Корнеля, которые, буде в том появится нужда, преподадут вам урок чести; пьесы Мольера – кладезь мудрости; «Надгробные речи» Боссюэ, подобные органному концерту, и басни Лафонтена. Плюс Расин, чьи пьесы вы будете смотреть на сцене всю жизнь, – посвятите ему один год как поэту.

Из писателей XVIII века я назову Монтескье. Его трактат «О духе законов» станет вам верным спутником. Из Вольтера – «Кандид», которого вы прочтете как поэму. Короткие произведения Дидро: «Сон д'Аламбера», «Письмо о слепых», «Племянник Рамо» – ни лучшего ума, ни лучшего стиля нельзя себе и представить. Поэтический год отдадим Мариво. С Руссо – проблема. Решим ее, выбрав в спутники «Исповедь». «Эмилия» и «Новую Элоизу»

я прочел в жизни дважды: один раз по необходимости, перед защитой диплома, другой раз в пятьдесят лет из любопытства. Этого оказалось достаточно.

А вот и великий XIX век. Глаза разбегаются от обилия шедевров. Не будем забывать нашу задачу. Речь идет о небольшой постоянной библиотеке. Выбирать нужно осторожно и тщательно. Бенжамен Констан? Шатобриан? Само собой разумеется. «Замогильные записки» всегда будут с вами. Местами они не уступают Рецу и Сен-Симону, хотя и слишком певучи. Рядом с ними дневник, который вел Лас Каз на острове Святой Елены. Наполеон много знал о людях и власти, у него же можно поучиться и стилю. Что касается Стендаля и Бальзака, тут я непреклонен. Прочтите их произведения все до единого, они пригодятся вам во всех случаях жизни. Я неразлучен с этими двумя романистами вот уже более шестидесяти лет и, перечитывая их, всякий раз открываю новые и новые красоты. Стендаль предложит вам образ жизни благородный и восхитительный, хотя и несколько безрассудный. Бальзак познакомит вас со *всеми* образами жизни, от самых порочных до самых достойных. Он обнажит перед вами пружины общества. Франция мало изменилась с тех пор, как он о ней писал, и наше время, время больших потрясений, больше похоже на эпоху «Человеческой комедии», чем пошловатый конец XIX века.

Шатобриан, Бальзак, Стендаль – эти три вершины возвышаются над горной цепью. Сент-Бёв? Я не без удовольствия читаю его, как говорил Бальзак, «биографии незнакомцев», но человек он был ненадежный и далеко не всегда высказывал справедливые суждения о современниках. Флобер? Талант и трудолюбие позволили ему, несмотря на отсутствие гения, создать два прекрасных романа – «Госпожу Бовари» и «Воспитание чувств». Жорж Санд? «История моей жизни» и, быть может, начало «Консуэло». Следующую вершину являет собой Гюго. Глупцы говорят, что он был неумен. Прочтите «Увиденные факты», «Отверженных» и судите сами. Возьмите Гюго-поэта себе в спутники. Гюго с ранней юности виртуозно владел французским языком, изобретал чудесные ритмы, воспевал простые и сильные чувства и не утратил своего мастерства до глубокой старости. Бодлер, Малларме, Валери, Верлен, которых ему противопоставляют, восхищались им и подражали ему. Впустите и их в свое святилище. А с ними Рембо, который будет вам полезен, когда вами овладеет дух мятежа, а это рано или поздно случится. «У того, кто в двадцать лет не был анархистом, – говорил Ален, – к тридцати годам не хватит сил даже на то, чтобы руководить пожарной командой».

Пьесы Мюссе остаются самыми шекспировскими из французских пьес, забавны его «Письма Дюпюи и Котоне»; в ранней юности меня трогали многие его стихи, но, раз надо выбирать, я выбираю Гюго. Ален презирал Тэна и Ренана: он называл их «церковными сторожами от литературы». Я не так строг. На «Происхождение современной Франции» и «Философские драмы» стоит обратить внимание. Другая мишень Алена – Мериме, но мне кажется, в данном случае неприязнь объяснялась не столько литературными, сколько политическими соображениями: Ален не мог простить Мериме, что во времена Второй империи тот стал сенатором. Меж тем под холодностью Мериме таилась робость чувствительного человека; ради красавицы императрицы, которую он ребенком сажал себе на колени, он закрывал глаза на пороки Империи. Его сухость была сродни стендалевской: в основе ее лежала стыдливость. Прочтите «Кармен», «Этрусскую вазу», «Двойную ошибку»; вы, как и я, не раз к ним вернетесь.

На горизонте еще одна вершина. За пологими склонами, на которых прошла моя юность – романами Франса и Барреса, – высится гора – Марсель Пруст. Он не уступает в величии Бальзаку, хотя в отличие от последнего силен не изображением картины общества (мир его мал), но непревзойденным анализом механизмов памяти, чувств и творческого процесса. «В поисках утраченного времени» – поэма о времени, которое можно вернуть только с помощью искусства. Рядом с Прустом в вашем святилище расположатся его современники

– Валери и Ален. Вы знаете, что Ален был моим учителем. Я хотел бы, чтобы он стал и вашим. В трех томах «Библиотеки Плеяды», содержащих его наследие, есть все: мораль, философия, определение сущности искусства и сущности религии. Его неровная, отрывистая манера письма поначалу покажется вам трудной. Не отступайте, вы почувствуете всю ее прелесть. Лично я понял Платона, Аристотеля, Канта, Декарта, Гегеля, Огюста Конта только благодаря Алену. Осмелюсь сказать больше: благодаря Алену я понял жизнь и людей. Как он распахнул передо мной дверь в мир Бальзака, так я распахиваю перед вами дверь в мир Алена; это самый богатый подарок, какой я могу вам сделать.

Остаются Бергсон и Клодель. Решайте сами, чем они могут быть вам полезны. Мне они дали много. Кроме того, остаются великие зарубежные писатели. Вы не можете обойтись ни без Шекспира (как и Гомер, он пополнил сокровищницу общечеловеческих мифов), ни без Лопе де Веги, ни без Свифта, ни без Диккенса, ни без Эдгара По, ни без великого Гёте, ни без Данте, ни без Сервантеса. Наконец, никто не подарит вам такого волшебного ощущения жизни, как русские писатели. Нет ничего прекраснее лучших произведений Толстого («Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича»). Учение его всегда казалось мне надуманным, но романист он великолепный. Я ставлю его гораздо выше Достоевского. (Но быть может, тому виной несходство наших натур.) Рядом с Толстым поместите избранные рассказы и пьесы Чехова. Нет ни одного писателя, столь близкого моему сердцу. Я хотел бы, чтобы он пленил и вас. Наконец, «Мертвые души» Гоголя, «Рудин», «Отцы и дети», «Дым» Тургенева и повести Пушкина. Джойс? Кафка? Прочтите и решайте сами, отвечают ли они вашим запросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.